

ПОЭТ И НАРОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ О. ТУМАНЯНА

П. Н. БЕРКОВ
чл.-корр. АН СССР

Одну из своих статей, посвященную памяти умершего друга, Ованес Туманян закончил так: «Кто не видел его, не узнает его никогда. С ним нельзя знакомиться по рассказам. Да, нельзя знакомить рассказами с такими людьми, которые являли собой сердце и душу,— так, как нельзя восстановить по рассказам пропетую и забытую песню, как нельзя снова собрать описанием давно пронесшийся по воздуху аромат»¹.

Эти слова вполне можно применить,— как довольно часто бывает в истории литературы,— к тому, кто их сказал, к самому О. Туманяну.

К несчастью, историк литературы имеет почти всегда дело с анализом творчества писателей умерших, и поэтому большая часть наших работ представляет собой восстановление по чужим рассказам пропетой и забытой песни или заранее обреченные на неудачу попытки снова собрать — описанием — давно пронесшийся по воздуху аромат. Особенно печально положение такого историка литературы, который при этом еще не знает языка изучаемого им автора,— который пользуется не всеми произведениями этого писателя, а только теми, какие переведены на его, литературоведа, родной язык,— который больше угадывает поэта по скудным материалам, доступным ему, чем произносит веский и авторитетный суд. Но великие писатели принадлежат не только своему народу, они—общее достояние человечества, и чем более они велики, тем больше прав имеет сказать о них свое слово — пусть даже основанное на заведомо неполных данных — историк литературы, которому дорого все то доброе и прекрасное, что создали и создают лучшие представители человечества, гении всех народов.

*

При внимательном знакомстве с творчеством О. Туманяна нельзя не заметить, что есть ряд проблем, к которым он неоднократно обращался на протяжении своей жизни. Среди них есть такие, какие встают перед каждым подлинным художником,— роль поэта в жизни общества, поэт и природа, поэт и любовь, поэт и искусство и т. д. Но есть и такие, какие встают именно перед армянским поэтом, и именно перед армян-

¹ О. Туманян, Избранные произведения, т. II, М., ГИХЛ, 1960, стр. 295. В дальнейшем ссылки в основном делаются по этому изданию, и источник указывается в тексте. В остальных случаях примечания делаются под строкой.

ским поэтом определенного исторического периода, периода перед Великой Октябрьской социалистической революцией и первых революционных лет.

Я не стану вдаваться в рассмотрение вопросов очень привычных и даже неизбежных у современных литературоведов — о творческом методе О. Туманяна, о его художественной системе, о его поэтическом видении мира и т. д. Мне кажется более интересным проследить, — и притом в основном по его статьям, письмам и записям бесед с ним, а не только по его стихам, в которых иногда решались другие задачи, — что ценил Туманян в человеке и народе, что, в конечном счете, ценил он в самом себе.

Глубокая убежденность в великом значении литературы пронизывает все творчество Туманяна, а ее источник — вдохновение всем добрым и прекрасным — делало его произведения подлинной поэзией, превращало их в новые проявления доброго и прекрасного, придавало им истинно воспитательный, высокий моральный характер. О. Туманян принадлежал к тем, кто «хорошо знает, что все дурное — и дурные люди, и дурные деяния — преходяще, кто крепко верит в постепенное, но верное развитие и в победу прекрасных идей, верит как в человеколюбие отдельных личностей, так и в прогресс и облагораживание наций» (стр. 188).

Подобные, очень многочисленные, высказывания Туманяна подводят к основным положениям его художественной этики. Для него социальная жизнь человечества в принципе неотделима от жизни в природе, и в то же время и та и другая представляют результат прогресса, человеческой личности. Исходным пунктом оптимистической философии Туманяна является вера в неизбежную победу прогресса. Поэт не идеализирует первобытных этапов истории: «Когда вы смотрите проницательным взглядом назад, то в тумане далекого прошлого перед вашими глазами встает мрачный образ человека-людоеда» (стр. 190). Но постепенно «в человеке укореняется, развивается и растет великое чувство альтруизма, которое ведет к общечеловеческому братству. И более того. В нем постепенно определяется, подчеркивается и утверждается глубокое и высокое чувство любви ко всему живому, которое ведет к великой космической жизни» (там же).

В другом месте Туманян писал: «Жизнь в целом велика, очень велика».

Жизнь — это жизнь вселенной, и все величие и блаженство человеческой жизни в том и заключается, чтобы через посредство своего окружения приобщиться к великой жизни вселенной» (стр. 229).

Поэт глубоко верил в светлое будущее человечества: «Настанут дни, я верю, — писал он в 1919 г. в ответ на поздравление тбилисской газеты «Сакартвело» по случаю его пятидесятилетия, — когда наперекор всем стараниям шовинистов восторжествует идея единения народов и вековые узы братства усилятся и окрепнут под сенью свободы и само-

стоятельного развития, распутившись свободным пышным цветком родных и дорогих нам искусств и литературы»².

В системе взглядов Туманяна очень важна приведенная уже мысль, что все величие и блаженство человеческой жизни в том и заключается, чтобы через посредство своего окружения приобщиться к великой жизни вселенной. Здесь выражена самая центральная идея мировоззрения Туманяна: человек вне «своего окружения», то есть вне своего народа, не может стать самим собою. Истинные патриоты, говорил поэт, «должны жить в народе, для народа и разговаривать с ним» на языке народа (стр. 216—217). Уже в самом начале своей деятельности Туманян писал: «Все твердо знают лишь то, что родина наша несчастна. Но что представляет собой родина, в чем ее несчастье, как живет, говорит, плачет, радуется и пр. наш народ—вот где главное. Только глубокое знание этих особенностей народной жизни может создать истинного поэта. В противном случае поэты наши останутся только поэтами-армянами, но армянскими поэтами они не будут никогда»³.

Именно жизнь в народе и для народа, умение говорить с народом на его языке, дают поэту право называть себя настоящим поэтом.

«Цветок, выросший на чужбине,— писал Туманян,— не может отразить красоту и аромат своей земли. Человек, который не видел родины, не может нарисовать настоящую картину этой страны» (стр. 208). Он считал, что «поэт должен обеими ногами стоять на родной почве и только тогда его голос будет звучать во всю силу»⁴. И сам Туманян всегда стоял на родной почве, на почве народных традиций, родного языка, дышал ароматом родной земли. Его постоянно тянуло в родные, дорогие сердцу края, в родное Лорийское ущелье. Как проникновенно и великолепно звучит начало первой песни поэмы «Ануш»:

Лори меня вновь неустанно зовет,
Тоска по отчизне мне сердце томит.
И властно расправила крылья, и вот
Душа моя к дому родному летит.
А там, перед отчим сидя очагом,
С тоской и надеждой давно меня ждут
И, слушая вьюгу в ночи за окном,
О витязях древних беседу ведут.
...Эй, горы зеленые, детства друзья!
Опять я вас вижу, и вспомнилась мне
Счастливая ранняя юность моя...

В одном из писем к своему другу Ф. Вартазаряну Туманян излагает свои раздумья: «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно-

² О. Туманян, Избранные сочинения. Под ред. М. Шагинян, Ереван — М., Армиздат, 1950, стр. 499.

³ Там же, стр. 435.

⁴ Там же, стр. 451.

но правильно...— Он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. У этой скорби и печали различные источники, но все они пронстекают из одного и возвращаются к одному,— это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство». «Если это так,— читаем мы дальше в том же письме,— это действительно великое дело. Белинский говорит: величие поэта — в его народности». «Поэт,— продолжает Туманян,— прежде всего, должен быть сердцем своего народа. Но, кроме этого, есть и другая большая задача: насколько удачно сумел он передать стенание народа...»⁵.

*

Итак, «поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа».

О. Туманян со всем пылом своего темперамента, со всей чистотой своей души обрушивается на тех, кто, не имея на то никакого нравственного права, выступает от имени народа. «Наконец должны замолчать все те,— писал Туманян в 1914 г.,— кто говорил и говорит от имени народа, литературы, истории и науки лишь для того, чтобы пустить в глаза пыль людям, ослепить и увлечь их за собою, для того чтобы создать себе положение и занять роль вождя» (стр. 253).

К подлинным выразителям народных интересов Туманян относился с глубоким уважением и симпатией. Остановливая свое внимание на скромных тружениках, бескорыстно и с увлечением изучавших прошлое и настоящее армянского народа, Туманян настойчиво предостерегал от опасности впасть в узкий национализм и неизменно напоминал о необходимости знакомиться с жизнью и творчеством соседних народов. «...К сожалению,— говорил он в статье «Надо послушать»,— еще очень мало знатоков нашей собственной жизни, нашей истории, литературы, а тем более — искусства и жизни других стран, в том числе и жизни соседних народов, их культурных богатств. А такие люди нам очень необходимы и очень ценны. Они одним лишь словом, одним движением, одной песней открывают целый мир перед слушающей публикой» (стр. 254—255).

Туманян придавал большое значение отношениям между соседними народами, между самими народами, а не между их политиками и правителями. «Народам,— писал он,— чужда узкая нетерпимость кабинетных политиков и правителей. Народы живут в природе, слившись с ней. Они руководствуются многовековым опытом жизни. Это и помогает им противостоять тем ядам, которые впрыскивают в их измученный организм всевозможные правители и руководители» (стр. 196).

Эти слова были сказаны Туманяном тогда, когда дашнаки, меньшевики и мусаватисты с яростью и угрозами противостояли друг другу, и объединяла их общая ненависть к Советской России.

Он внимательно всматривался в национальные черты соседних народов и умело находил краткие и выразительные признаки для их ха-

⁵ Там же, стр. 435.

рактистичности. «Неужели,— писал Туманян в статье «Во мраке недо-разумения» (1909),— еще не настало время подойти друг к другу, по-знакомиться поближе, простить многое и полюбить друг друга? Нас не знают русские, а разве мы их знаем? Нас не знают наши соседи, а мы разве их больше знаем? Разве мы знаем доброту и простоту русского человека, чистосердечность грузина, рыцарство тюрка (азербайджанца.—П. Б.)?» «Вот какие свойства,— делает вывод великий поэт-гуманист,— мы должны отмечать у народов и подходить к ним с открытым, чистым сердцем» (стр. 167—168)

Естественно, что Туманяну больше всего приходилось излагать свои представления о национальном характере ближайших соседей армян. По поводу того, что съезд грузинских писателей решил ежегодно торжественно отмечать национальный праздник грузинской литературы, Туманян писал: «Это благородный праздник, когда народ славит сердце и душу, гений своей мысли. И грузинский народ имеет право на этот праздник. Это поэтический народ, от природы наделенный чувством прекрасного. Ни у одного из знакомых мне народов я не наблюдал такой любви к поэзии, как у грузин. Еще не так давно в грузинских семьях существовал обычай давать в приданное дочерям поэму Руставели. Такова эта страна, поэтическая и жизнерадостная — и в то же время серьезная и отважная» (стр. 292).

О. Туманян с особой теплотой и сердечностью говорил о грузинской литературе, отмечал, что она «всегда была в ряду передовых литератур»⁶, что «сама Грузия — уже поэзия, а грузинский поэт — вдвойне поэт»⁷. Туманян говорил о «ясной и благородной», «прекрасной грузинской душе»; а Грузию он называл «нежной и возвышенной», «прекрасной», обладающей «общечеловеческим и божественным духом»⁸.

В ответ на постановление грузинского правительства назначить О. Туманяну пожизненную пенсию поэт писал: «Безгранично любя все народы, я всегда особенно сильно любил наш братский грузинский народ, среди которого провел большую часть жизни и с которым связан глубокими и крепкими узами».

Когда грузинские писатели в своем приветствии называли его «нашим общим поэтом», растроганный Туманян высоко оценил, но с присущей ему скромностью писал: «То, что сделали мои братья — грузинские писатели, я считаю такою щедростью, на которую способен лишь грузин. Признаюсь, что как ни безгранично люблю я Грузию, все же я недостойн такой великой чести»⁹.

Говоря о своей любви к родному народу, Туманян не забывал упомянуть и о своей «безграничной любви ко всем народам». В этой связи нельзя не остановиться на отношении великого поэта к русскому народу и русской литературе.

⁶ Там же, стр. 501.

⁷ Там же, стр. 502.

⁸ Там же, стр. 502—503.

⁹ Там же, стр. 503.

В письме к Ю. А. Веселовскому О. Туманян в 1902 г. сделал важное признание: «...я начал свою литературную деятельность под влиянием великих русских поэтов... влияние это я чувствую всем своим сердцем, всем своим существом»¹⁰.

Отметим, что русскую литературу армянский поэт знал глубоко¹¹ и, — что особенно важно, — хорошо чувствовал ее национальное своеобразие¹². Поэтому надо с должной серьезностью и вдумчивостью относиться к соответствующим суждениям и характеристикам русской культуры, литературы, общественной мысли и русского народа, находящимся в произведениях Туманяна.

Особый интерес в этой связи представляет его статья «Л. Н. Толстой», написанная по случаю смерти великого писателя.

Для армянского поэта Л. П. Толстой ценен прежде всего тем, что он — «настоящий великий человек, в совершенстве олицетворивший дух и образ своего народа»; русский же национальный характер в Толстом, по мнению Туманяна, проявился в том, что высший нравственный идеал писатель видел «в справедливости, в правде, во внутренней моральной чистоте и в той любви, которая уравнивает и братает людей, не признает врагов в мире, не противится злу» (стр. 223).

Конечно, Туманян хорошо понимал, что в русском народе есть разные люди, — и прогрессивные, и реакционные, и добрые, и злые, а «дурной человек, — вспоминает армянский поэт старинную пословицу своего народа, — и на пасху останется дурным». Туманян в статье «Испытатель» (1913), посвященной позиции в армянском вопросе реакционной петербургской газеты «Новое время», спрашивает: «...кто вы такие и по какому праву собираетесь нас испытывать? Разве вы являетесь той Россией, к которой вернулись армяне. Разве вы ее настоящие представители, разве вы олицетворяете дух России?» «Нет! Никогда! — отвечает он и продолжает. — Мы пришли и идем к великой России, к великому русскому народу, и мы полюбили его и примкнули к нему... Если мы были привязаны, то только к хорошему русскому человеку, и сегодня еще более сознательно укрепляем эту связь с ним, чья доброта и величие достойны величия его родины и силы его нации, но не к вам, всегда малодушным, постоянно твердившим о розни и вражде».

После Великой Октябрьской социалистической революции в январе 1918 г. Туманян в открытом письме поэту Сергею Городецкому под-

¹⁰ Там же, стр. 478.

¹¹ В письме к Лео (Аракелу Бабахяну) Туманян — в октябре 1902 г. — признавался: «Поистине стыдись, но еще более страдая, должен сказать, что и до сегодняшнего дня я еще не прочитал все произведения выдающихся русских писателей» (стр. 303). Но это — ранний этап его знакомства с русской литературой. Сохранившаяся в музее О. Туманяна библиотека поэта свидетельствует о его живейшем интересе к русской литературе.

¹² Характерны отзывы О. Туманяна о «Зимнем вечере» Пушкина («Избр. соч.» под ред. М. Шагинян, стр. 480—481), Л. Н. Толстом («...самым главным и существенным из его дел, его шедевром стал его последний побег — исход из Египта», — стр. 224), В. Г. Короленко (стр. 306).

вел итоги своим тогдашним размышлениям о национальном характере и исторической роли русского народа. Он писал: «За время великой войны все народы выявили перед лицом всего света свой лик почти во всей целостности.— и, больше всего, может быть, народ русский, ибо, кроме войны, он делал и революцию». Туманян приходит к выводу: «Русский народ имеет великую миссию в жизни народов». Армянский поэт напоминает в этой связи, в чем он видит «великую национальную миссию русского народа», как он понимает «внутренний смысл, обусловленный великим духом народа», в историческом поступательном движении русского народа на Кавказ и Ближний Восток: «Россия призвана,— писал Туманян,— создать в этих странах свободную гражданскую жизнь, укрепить справедливый правопорядок и быть носительницей культуры и просвещения» (стр. 193—195).

Анализируя историю армянского народа в течение XVIII—XX вв., Туманян пришел к заключению, что положительное решение судьбы его соплеменников тесно связано с русским народом и его будущим. «Таков прямой ход истории,— писал Туманян в 1920 г. в письме по поводу установления советской власти в Армении,— наше будущее, как я и говорю всегда, да и вы это знаете, связано с Россией, и чем свободнее будет Россия, тем лучше для всего мира»¹³.

*

В «Открытом письме Сергею Городецкому» О. Туманян писал: «Я теперь только постигаю столь свойственное русской литературе и чуждое литературам других народов стремление «познать свой народ»...» (стр. 194).

Для Туманяна проблема познания своего народа была если не самой главной,— по-видимому, самой главной для него была помощь народу,— то одной из основных. И поэтому не так уж существенно, зародилась ли эта проблема в сознании Туманяна самостоятельно или, как принято говорить, «под влиянием» русской литературы.

Взгляды Туманяна на проблему влияния,— как литературного, так и общего,— представляют живой интерес и в настоящее время.

Туманян жил в эпоху, когда, в противоположность эстетике классицизма, требовавшей соблюдения «правил» и «следования образцам», «подражания», высшую ценность писателя видели в его оригинальности, самостоятельности, полной свободе от каких бы то ни было и чьих бы то ни было влияний. В те периоды истории литературы, которые принято обозначать именем романтизма и реализма, обвинение писателя в том, что он находится под чьим-то влиянием, было равносильно признанию его если не бездарности, то, во всяком случае, несамостоятельности, отсутствия яркой индивидуальности. И в это время Туманян, обращаясь к молодым армянским поэтам, говорит им: «Не смущайтесь и тогда, когда речь заходит о влияниях». «Нет в мировой литературе.

¹³ О. Туманян, Избранные сочинения. Под ред. М. Шагинян, стр. 507.

развивает он свою мысль далее, — ни одного поэта, избегнувшего в большей или меньшей мере влияния своих предшественников. Влияние — это ступень, по которой начинающий взбирается к вершинам оригинальности» (стр. 252).

Глубокий смысл позиции Туманяна в вопросе «влияний» раскрывается в другой его статье «Памяти Микаэла Налбандяна». Сказав, что в юношеские годы он с увлечением читал журнал «Юсисапайл», в котором сотрудничал Налбандян, Туманян поясняет: «Этим и нужно объяснить то обстоятельство, что в написанных мною в тот период и напечатанных в 1890—1892 годах в Москве стихах встречаются не только стиль и обороты «Юсисапайла», но даже отдельные слова и формы слов...». Иначе говоря, — выходит, — Туманян признает факт «влияния», испытанного им со стороны «Юсисапайла», признает активный характер воздействия журнала и пассивный характер своего усвоения.

На самом же деле оказывается, что понятие «влияние» Туманян трактует по-своему, видит в процессе «влияния» прямо противоположную последовательность, видит «активность» писателя и «пассивность» литературы. «Ведь каждый писатель, — пишет он, — не что иное, как сумма всех предшествовавших ему влияний: от одного он берет (подчеркнуто здесь и дальше мною. — П. Б.) больше, от другого меньше, сплавляет в горниле своего вдохновения и отливает, оформляет свой вкус» (стр. 268). И еще раз, — дальше в той же статье, — повторяет Туманян свою мысль об «активном» характере того процесса, который он обозначает термином «влияние»: «Словом, я взял у него (Налбандяна. — П. Б.) все то, что было хорошего и светлого, подобно ребенку или хорошему читателю» (стр. 269).

Таким образом, в вопросе о «влияниях» Туманян стоит на правильной позиции: влияния как активного отбора, самостоятельного осмысления того, что взято, усвоено. Можно в настоящем свете понять позицию Туманяна в полном объеме: «влияние» это не только усвоение в результате отбора, но и импульс к дальнейшей деятельности в своей национальной сфере. В письме к Ю. А. Веселовскому, разославшему армянским писателям анкету о степени влияния на них русской литературы, Туманян писал: «В ряде поэм и стихов Лермонтов воспеваёт кавказские горы, жизнь и обычаи горцев. Я как кавказец и горец любил эти песни и поэмы. Хотя любовь к горам и тоска по жизни в горах всегда жили в моей душе, поэзия Лермонтова несомненно подсказала мне мысль о создании такой поэмы, какой еще не было в нашей литературе, поэмы, в которой воспевалась бы наша природа, обычаи и предания народа»¹⁴.

Если понимать проблему «влияния» как творческий импульс, как стимул к духовному росту на национальной почве и помнить слова Туманяна, что он писал, «сознательно не подражая и не следуя ни за одним поэтом» (стр. 303), он, бесспорно, — поэт совершенно оригинальный.

¹⁴ Там же. стр. 478

Будучи совершенно самостоятельным, он в большей степени, чем кто-либо из других армянских писателей, связан с армянским народом, его жизнью душой и складом мышления.

В статье «Большая беда» (1909) Туманян говорит о тех невежественных своих соотечественниках, которые либо отрекаются от своего народа, либо впадают в другую крайность и в пылу слепого национализма провозглашают свой народ божьим избранником, бредят о славе и величии. «А спросите их о народе! — иронически констатирует Туманян. — Один воспеваает патриархальный склад нашего народа, другой говорит о его испорченности, третий объявляет себя мшакистом и провозглашает свою солидарность с народом, четвертый твердит о клерикализме нашего народа, не признающего ничего, кроме церкви и духовенства». «А мы, — с горечью пишет Туманян, — так до сих пор и не знаем, что представляет собой этот сфинкс — наш народ, грустно восседающий возле древних памятников Урарту с полными слез и горя глазами»¹⁵.

Вместе с тем Туманян далек от мысли о полной непостижимости души этого «сфинкса», души армянского народа. Несколько раз он указывал, что «собираТЕЛЬНЫЙ образ армянского народа в его национальном эпосе — Давиде Сасунском»¹⁶, что «Давид Сасунский — олицетворение армянского духа» (стр. 285). По разному поводу Туманян отмечает характерные черты психического склада своего народа: «Мы удивительно жизнеспособный народ, — пишет он во время первой империалистической войны, после страшной резни, устроенной турками в Западной Армении. — Я непоколебимо верю в это. Верю в эту жизнеспособность в самом высоком и благородном ее значении. Ничье варварство и тирания не могли сломить могучий дух армянского племени. Любому тирану армянский народ мог ответить словами вардананцев «Ты можешь терзать тело армянина, но что ты можешь сделать с его душой?» «И сегодня, как и всегда, — с гордостью признает Туманян. — жива могучая и стойкая душа армянского племени»¹⁷.

По Туманяну, армянский народ — жизнеспособный, могучий, стойкий, свободолюбивый. Но это не все. «Обычно утверждают, — писал Туманян в одной статье 1920 г., — что народ мало показан в прошлом в истории». «Нет, — возражает он, — я того мнения, что народ есть, он показан, он говорит на тысячу ладов и выражений, только надо это уметь найти, подметить и увидеть»¹⁸. И Туманян умел находить, подмечать, видеть. В 1914 г. он писал: «Издавна говорится, что история прошлого — это светоч, который каждый народ должен держать в руках, чтобы не заблудиться в дороге». И светоч истории помогает Туманяну показать и удивительную художественную одаренность родного народа. «Наша

¹⁵ Там же, стр. 441.

¹⁶ Там же, стр. 444.

¹⁷ Там же, стр. 440.

¹⁸ Там же, стр. 444.

слава и наши духовные богатства хранятся в минувших веках. В прошлом и наше искусство — прекрасное искусство, родившееся и развивавшееся в особых условиях материальной и духовной жизни народа. Изобразительное искусство, рождаясь и развиваясь в таких особых условиях, характеризует самобытный национальный дух каждого народа». «В изобразительном искусстве, — уточняет свою мысль Туманян, — всегда особое место занимала архитектура, которая названа «окаменевшей музыкой», — раз навсегда окаменевшая она не искажается временем. Десятилетия назад мы не смели думать о существовании самостоятельной армянской архитектуры». И далее Туманян с восхищением говорит об исследовании армянского искусствоведа Тороса Тораманяна, открывшего миру сокровища древней и средневековой армянской архитектуры. И он — с понятным и заслуживающим уважения пафосом — заканчивает статью так: «Честь и слава нашим предкам, которые, противостоя разрушительным силам, сумели оставить нам такое прекрасное наследство, слава и честь деятелям науки, — в частности г. Тораманяну, который, возрождая из руин величие нашей нации, подымает нас не только в собственных глазах, но и перед другими народами» (стр. 248—249).

Но Туманян зорко вглядывался в различные отрасли духовной жизни родного народа, видя в них проявление национального духа.

В армянской народной душе он видит не только свободолюбие и стойкость, жизнеспособность и богатейшую художественную одаренность. «Печаль и мечты не чужды душе армянина, — пишет он в заметке «О Ваане Теряне». — Мы очень мечтательный народ» (стр. 247).

Обращаясь к этой стороне армянской национальной стихии, Туманян достигает особой глубины и выразительности в статье «О характере песен Саят-Новы». «Он, — писал Туманян, — как вечная пламенная душа в прекрасном облике, как честное и полное сердце, родной могучий дух, который, подобно родному духу нашей страны, всегда будет веять над народами Кавказа» (стр. 233).

Завершает Туманян свою блистательную характеристику Саят-Новы словами, еще больше раскрывающими идею статьи о «родном могучем духе»: «И, несмотря на страдания и огорчения, на усталость от страданий и огорчений, он всегда остается одинаково добрым, нежным и честным; с какой поэтической красотой вошел в жизнь и в мир, с той же красотой улетает из жизни и мира:

Хочу летать, как соловей,
Устал я от садов...

Неувядающий и бессмертный Саят-Нова — гордость целого народа» (стр. 236).

Армянский национальный характер Туманян раскрыл глубоко, ярко, пламенно, поэтично и, в то же время, стоя на почве строгой историчности, без ложной идеализации.

Все те великолепные черты, которые устанавливал поэт в духовном облике своего родного народа, обязательно и неизменно присутствовали в его собственной душе,— свободолобивой, мудрой, величественной, жизнелюбивой, доброй и младенчески ясной

И если «поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа», как писал Туманян, то сам он безусловно был сердцем своего народа.

*

В высшей мере отражая в своем творчестве национальный характер своего народа, Туманян все же не был просто пассивным, непронизвольным «отразителем» или «представителем» армянского народа. Отношения поэта и народа были много сложнее. «Сегодня вам говорили,— ска- ал Туманян,— что литература — зеркало жизни. Я не совсем согласен с этим. Если литература — зеркало жизни, то очень своеобразное, волшебное. Она не только отражает жизнь, но дает ей свет и теплоту, создает ее возвышенный, благородный образ» (стр. 231).

Итак, поэт не только отражает жизнь родного народа, но и формирует ее возвышенный и благородный образ.

В своем поэтическом творчестве, как и в своей критике и публицистике Туманян не ограничивался изображением каких-нибудь одних — положительных или отрицательных сторон жизни армянского народа. Создав в «Давиде Сасунском» величественный в своей необыкновенной человеческой простоте и глубине образ Давида, нарисовав в поэме «Ануш» поразительные картины народной жизни, Туманян в то же время не проходил мимо таких страшных явлений, какие изобразил в поэме «Маро» или в жестоком в своей нагой правдивости рассказе «Честь бедняка» или в беспощадном очерке «Мои товарищ Несо».

И все же поэт был прав, когда в той же речи на вечере литературной молодежи сказал: «Если уподобить литературу зеркалу жизни, что источником всех видов творчества в литературе является прежде всего человек. А раз это так, старайтесь сохранить в чистоте свое сердце, смотрите на мир ясным взглядом. Смотрите на мир так, как смотрит солнце» (стр. 231).

Как характерен для поэта-гуманиста этот призыв к молодежи сохранить в чистоте свое сердце! Кстати, слова «сердце» и «душа» одни из наиболее часто встречающихся в литературном языке Туманяна. Так, в «Слове над могилой Раффи» Туманян сказал: «У японцев есть прекрасный обычай: они обращаются к душам своих умерших деятелей, как к живым людям. Следуя этому прекрасному обычаю, я от имени Содружества армянских писателей обращаюсь к душе Раффи». И далее Туманян восклицает: «О бессмертная душа!... Ты, взволновавшая душу армянского народа и направившая ее на путь освобождения!... Беспокойная душа!» (стр. 232). В письме к А. Ширванзаде по случаю тридцатилетия его литературной деятельности (1911) Туманян прославляет душу писателя, «которая носит в себе божественную силу и божествен-

ное дарование, самое большое, что может быть даровано смертному на земле»¹⁹.

В Леване Кипиани, грузинском общественном деятеле, Туманяна «восхищает чистое, правдивое и доброе сердце, ...сердце и душа хорошего истинного грузина». Он продолжает: «И такой человек, как вы, еще спрашивает: что же нам сделать для сближения? Да иметь такое сердце! И я знаю многих, в ком бьются такие сердца» (стр. 195).

Народ, в понимании О. Туманяна,— единственный резервуар всего хорошего и доброго, красивого и вечного. И именно потому поэт должен питать свое творчество соками родной земли, животворными струями народной почвы. Здесь закономерно и естественно возникает вопрос об отношении поэта к народному творчеству, к истории народа, к народной жизни.

Туманян, сам превосходный фольклорист, записавший немало произведений армянской народной поэзии, строго различал подлинное народное творчество, с одной стороны, и литературную деятельность поэта, вдохновившегося каким-либо памятником народной словесности, с другой, ибо,— писал Туманян,— «собираатель песен — одно, поэт — другое; у одного за записанное—народ в ответе, у другого—он сам» (стр. 244).

Новое, личное, присущее самому поэту в обработках фольклорных сюжетов Туманян видит, во-первых, в том, что подобные поэтические пересоздания памятников народного творчества пишутся на общенациональном литературном языке, а не на каком-либо местном диалекте; благодаря этому такие обработки делаются доступными всему народу, а не только жителям какой-либо части страны; во-вторых, сюжет этих обработок изменен по сравнению с записями фольклористов. «Каждый (поэт,— П. Б.) может использовать материал,— формулирует свою точку зрения Туманян,— и писать, излагая, изменяя, добавляя и сокращая, удаляясь от темы или приближаясь к ней» (стр. 244). Туманян считает, что, обрабатывая фольклорные сюжеты, поэт имеет право отбирать лучшие, с его точки зрения, варианты, устранять противоречия, стирать местные черты, удалять следы личных вкусов и симпатий сказителей.

Блестящим образцом творческой обработки Туманяном фольклорного сюжета является его «Давид Сасунский», в котором художественная и идейная стороны народного армянского эпоса получили адекватную форму выражения. При этом очень показательны для широты и глубины философского мировоззрения Туманяна, что, в отличие от многих своих современников и не только современников, он видел в национальном армянском эпосе интернациональную, универсальную его суть. «Не следует обманываться,— писал Туманян в 1921 г., как бы подводя итоги своим многолетним изучением «Храбрецов из Сасуна» и размышлениям над эпосом,— названием «национальный» или «народный», присвоенным великому эпосу того или иного народа. Он принимает различные оттенки в том или ином климате, вбирает в себя специфические черты

¹⁹ Там же, стр. 459.

истории и психологии данного народа и тем самым становится родным, заветным и дорогим этому народу». «Но,— делает Туманян неожиданный вывод,— еще более растет значение так называемого национального эпоса в силу того, что он вместе с тем преимущественно является общечеловеческим творением» (стр. 293).

Свою мысль Туманян развивает дальше: «И хотя армянский эпос также носит в себе исторические элементы, совмещает в себе великие побойща и великие идеалы армянского народа, но он прежде всего общечеловеческое творение, богатырское и символическое, коллективный труд, над которым работали не только личности определенных наций, но и все нации — как личности» (стр. 294).

Завершает свою статью Туманян следующей глубокой, хотя и конспективно изложенной мыслью: «Поэтому и ошибаются наши филологи, когда хотят ключом армянской истории отомкнуть большой замок армянского эпоса, или национальным светильником хотят осветить его темные уголки, предполагая, что это дворец того или иного армянского князя или царя. Между тем, это исполнинский мир, где у каждого есть свое отечество и освещает его солнце...» (стр. 294).

Эти интереснейшие и далеко опередившие свою эпоху суждения великого армянского поэта невольно наводят на мысль, что Туманян очень своеобразно понимал проблему связи национального с общечеловеческим, проблему поэта и народа. Как ни своеобразна исторически обусловленная литература того или иного народа, в ней всегда есть то общечеловеческое, которое делает ее интересной, близкой, иногда даже родной людям других наций. Именно то, что каждая национальная литература есть национальный вариант общечеловеческого, и делает возможным существование великой мировой литературы, в которую входят сокровища всех национальных литератур.

Поэт, тесно связанный с народом, «стоящий обеими ногами на народной почве», «говорящий во весь голос», — если он подлинный поэт, — является поэтом не только своего народа, но и всего человечества. Он берет все у народа, — язык, душу, сердце, психологию, историю, фольклорные сюжеты, — и возвращает народу в обработанном, отшлифованном виде. Его вклад входит в сокровищницу национальной культуры, становится общенациональной традицией, которая, подобно народному эпосу, является продуктом сложного процесса «влияний» (в понимании Туманяна), импульсов, сплава чужого и своего, — словом, сочетания национального и чужого, личного и коллективного, общечеловеческого по содержанию и народного по языковой и литературно-традиционной форме. Этот процесс, этот круговорот взаимоотношений между поэтом и народом бесконечен, как и бесконечно развитие литературы мировой и отдельных национальных литератур.

*

Многие суждения Туманяна, умного, вдумчивого и зоркого наблюдателя жизни своего народа и других народов, поражают своей нежидан-

данной свежестью и бесспорной справедливостью и наталкивают на дальнейшее размышление над ними. К числу таких замечательных афоризмов О. Туманяна относится следующий: «Каждый народ на юбилейных праздниках в лице юбиляра чествует самого себя, прославляет себя, свои таланты, свои умственные и духовные силы, которые способны внушить уважение не только своему народу, но и другим» (стр. 225).

Конечно, Туманян прав, и известный национальный эгоизм в таких юбилеях есть. Но сам же он в своих статьях о Шекспире и Сервантесе показал, что, по мере культурного роста человечества, оно все отчетливее сознает, что «есть у народов священные связи, крепкие и нерушимые», что «народы шлют друг другу (...) все самое возвышенное, о чем может мечтать человек» (стр. 267), и тогда мы с благодарностью вспоминаем имена гениев не только своего народа.

Статью «Слово о Церенце» Туманян кончил замечательными, человечными, благородными, мудрыми словами:

«И да будет благословенна память тех, кто вдохновлял народ своей жизнью, поднимая его дух, и теперь не перестает своими делами и даже своими могилами облагораживать и возвышать людей и народы!» (стр. 237).

Как чудесно сказался в этих словах мудрый и ясный гений армянского народа, великий Ованес Туманян!